А.М. Сунгурский

ЖАЛОВАНЬЕ

А.М. Сунгурский

Жалованье

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Жалованье / А. Сунгурский — «Автор», 2026

В день открытия пекарни Варя Колганова откладывает первую буханку мужу. Отвезти её пока некуда. Лёня отбывает срок за аварию, а человек, который на самом деле был за рулём, стоит перед Варей у прилавка. Завтра он пойдёт и расскажет правду.Почти два года Матвей отдавал Варе по тридцать тысяч в месяц. Осенью она попросила за полгода вперёд и купила на эти деньги печь. О том, как они жили, придётся рассказать двенадцатилетнему сыну. А в другой семье, где за это время Матвею нашлось место за воскресным столом, его всё ещё ждут к обеду. Там он для маленького Пети — дядя Мотя, который всегда приезжает со своим складным стулом.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первый хлеб 5
Глава 2. Без сдачи 10
Глава 3. Место у буфета 14
Глава 4. До понедельника 19
Глава 5. Собственные деньги 24
Глава 6. Отгул 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

А.М. Сунгурский
Жалованье

Глава 1. Первый хлеб

Костя сунул матери в карман надкушенную горбушку. Варя вытащила её вместе с ключами и одной липкой десяткой.

— Я тебе велела от папиного не отламывать. Я же видела, что ты к нему полез.

— Я ножом отрезал. Потом уже откусил.

Сообразив, что сказал, он зажмурился. На корке виднелись две глубокие ямки и одна помельче, от нового зуба. Мальчик год носил на нём скобу и после каждого яблока любил рассматривать собственный укус.

Варя отдала ему горбушку, а буханку завернула в чистое полотенце. Нести этот хлеб Лёне было некуда. Свежий, тёплый, первый из её собственной печи, он нужен был мужу сегодня, а сегодня в колонию она не ехала. До сих пор ей удавалось об этом не думать: тесто торопило, Надя дважды забегала спросить про сдачу, не приклеивалась к стеклу бумажная снежинка. В центре снежинки Костя написал «ОТКРЫТО». Изнутри все буквы читались задом наперёд, и каждый раз, поднимая голову от стола, Варя видела незнакомое заграничное слово.

— Хороший? — спросила она.

— Масла бы.

Это был первый отзыв на её собственный хлеб. Она бы, пожалуй, обиделась, если бы сама уже минут двадцать не хотела того же самого. Костя прислонился бедром к двери в подсобку и доел корку. В чистой с утра рубашке он успел съездить животом по муке, раздавить локтем мандарин и напиться какао так, что какао оказалось на затылке. Белую рубашку он выбрал сам. Сказал, вдруг будет телевидение.

Никакого телевидения не было. К ним зашли люди, живущие в двух домах по сторонам, бывшая Варина сменщица из столовой, соседка с третьего этажа с исключительно воспитанной собачкой, которую всё-таки пришлось попросить подождать на улице, и молодой отец в наушниках, купивший всё оставшееся к тому часу печенье. При виде отца Надя на минуту лишилась своей деловой хватки.

— Вам, может, не всё? — спросила она. — Зачем вам столько?

Он сдвинул наушник за ухо и объяснил, что в воскресной школе будет ёлка, а жена с пятницы лежит с температурой и от огорчения плачет. Варя добавила три пряника в простой бумаге, для жены. Через полчаса он снова вбежал в лавку. «Я у вас телефон посеял». Он продиктовал номер, Варя набрала. В бумажном пакете с печеньем у него под мышкой заиграла музыка. Вот до чего их всех довёл этот первый день.

К пяти часам за стеклом стемнело. Снег шёл мокрый, редкий. Каждый вошедший приносил на половик по тёмному следу, и Надя, до полудня норовившая вытирать за всеми, теперь только хмыкала от двери: по грязи выходило, что людей у них побывало куда больше, чем по кассе. Варя погасила лишний свет над пустым концом прилавка.

— Завтра тоже откроешь? — спросил Костя.

— А как же. Мы вообще-то для этого и открылись.

Он был слегка разочарован: открытие казалось ему отдельным праздником, после которого полагается куда-то поехать. На прошлой работе Варя брала лишнюю смену, когда могла достать Косте путёвку на поездку с классом. Теперь можно было взять сколько угодно лишних смен. От мысли об этом у неё заболели обе ноги.

В половине шестого за Надей приехал старший брат. Обещал подбросить и Колгановых после закрытия. В фургоне грелась его собака, и Костя выскочил к ней с разрешения матери, в куртке нараспашку и без шапки. Варя разрешила только посидеть, не кататься. Пёс помещался на переднем пассажирском сиденье, брат сидел за рулём, так что Косте досталось между ними место для сумки. Вся троица была видна через стекло.

За последние двадцать минут продалась одна булочка. У кассы осталось двенадцать рублей мелкими: Надя свернула их в трубку из чека и написала сверху «не выбрасывать», зная Варину привычку смахивать со стола всё одним взмахом. Варя нашла под прилавком розовые резиновые тапки, которые искала половину дня, скинула рабочие башмаки и сунула ноги в тапки. Один оказался мокрый. Она уже успела налить туда, когда ставила под прилавок швабру. И тут она поняла, как хорошо ей здесь. Мокрая нога, пустоватая касса, сын сидит верхом на чьей-то сумке — и никто не встанет у неё за спиной и не спросит, кто давал указание делать батон по-другому.

Вошёл Матвей.

Он зачем-то поздоровался с ней за руку через стойку, как в учреждении. Снял шапку и застыл, глядя куда-то ей под локоть.

— Вот такая торговля, — сказала она. — Почти ничего не досталось тебе. Два с маком и кривой.

Кривым они называли батон, который лёг на противень неудачно и слегка загнулся. Матвей выбрал кривой. Вытащил деньги. Варя подвинула батон обратно к себе.

— Я тебя угощаю.

— Я же в магазин пришёл.

Они короткое время держались вдвоём за бумажный пакет. Он первым выпустил. Оглянулся на помещение, хотя мог бы и с места описать, где что находится: осенью помогал втаскивать сюда тяжёлую подставку, и в дверях её заклинило. Матвей тогда содрал кожу на костяшках, а Варя порвала кофту, купленную на выпускной Кости из четвёртого класса. До сих пор рукав тянул под мышкой там, где она зашила дырку.

— Константин с тобой?

Она кивнула на фургон. Из открытого окна выставилась рыжая морда с таким страдальческим видом, будто пса увозили продавать.

— Ты свет не гаси пока.

— Я не собираюсь.

— А то если свет выключить, они решат, что ты уже выходишь. Костя побежит сюда. Оставь пока.

Он говорил что-то вполне разумное, но она успела услышать, как тяжело он дышит между двумя предложениями. В первый раз он так дышал у них на лестнице. Лёня в тот день не вернулся домой. Матвей поднялся к ней и две минуты простоял в дверях, вытягивая и убирая обратно ослабленную резинку из манжеты. Она потребовала сказать прямо, Лёня жив или нет. Когда он сказал «жив», она расплакалась от счастья и только потом узнала, что другой человек умер.

— Завтра поеду расскажу, кто вёл, — сказал Матвей. — Предупреждаю тебя. Чтобы не от чужих.

На улице пёс принялся лизать сыну лицо, и Костя хохотал за двумя стёклами совершенно беззвучно. Варя хотела лучше разглядеть, не упадёт ли он, и сделала шаг вправо. Матвей тоже переместился вправо, будто ей важно было продолжать видеть его перед собой.

— В воскресенье?

— В воскресенье.

— А нельзя было в понедельник?

Оттого что она сказала «понедельник», ей стало легче. Первая-то мысль была про месяц. Она её даже не додумала, только увидела себя открывающей тут дверь утром ещё много раз, в темноте, одной.

— Для тебя есть разница? — спросил он.

— Для тебя была два года, а для меня и дня не может быть?

Матвей опустил голову и очень внимательно поглядел на два маковых рожка. Мог бы съесть один, подумала она. Тогда, по крайней мере, рот занят.

— Разница есть, — сказал он. — Любовь Петровна позвала на воскресный обед. Велела привезти свой стул, складной. Всё время им его не хватает, я привожу, и потом обратно забираю. Она внуку рассказывает: дядя Мотя едет, а стул едет впереди дяди Моти, сам дорогу знает. Внук ещё маленький. Смешно ему.

— Ты к ним и за стол ходишь?

— А ты думала, я только кран подкручу и до свидания? Было такое, когда не звали. Потом позвали.

Она не знала, что у погибшего есть внук. На суде сидели жена и взрослый сын. Варя сидела через проход, далеко от них, и мальчика не видела. Возможно, тогда его ещё не было.

— Так что им стул отвези, — сказала она. — А там делай что собирался. Я-то зачем тебе?

— С Леонидом поговори. Скажи, что завтра пойду. Он звонит тебе?

— Ты это спрашиваешь у женщины, муж которой вместо тебя сидит?

— Это я и без тебя знаю.

— Великое достижение.

Матвей стоял без шапки. Волосы у него выцвели и стали при этом темнее у корней, словно он не успел докрасить. Два года назад он выглядел моложе Лёни, а ему и вправду было на три года меньше. Сейчас ей казалось, что он старше и её, и Лёни, и половины людей, которых она знает. Устал; так бы она про него сказала, если бы он был чужой.

— Ты взял с нас два года, — сказала она. — И до сих пор не знаешь, что он не может тебе позвонить, когда тебе охота с ним поговорить. Если завтра позвонит — это моё время. У меня есть чего ему сказать.

— Скажешь тогда потом.

— Я не почтовый ящик. Мне это твоё «она скажет» уже вот где.

Руки были в муке, и Варя, вспомнив об этом, не стала подносить ребро ладони к горлу. Вместо того оперлась о прилавок.

— Остальное как? — спросил он. — Не подтекает больше?

В первую минуту она не поняла, о чём речь. Он показал на потолок, где прежде тянулся ржавый развод. С этой точки под лампами он иногда ещё проступал.

— Высохло. За сколько мне возвращать?

Матвей помотал головой.

— Я про печь, — сказала она. — Ты же поэтому не написал, а пришёл. Давай скажи, сколько сразу надо вернуть. Я хоть буду знать.

Тридцать тысяч в месяц. С того времени, как забрали Лёню. В октябре Варя увидела объявление о продаже подовой печи. На фотографии у неё не было одной ручки, зато был в порядке камень; съездили с Надей, посмотрели, вернулись с серой от грязи тряпкой, в которую Варя завязала эту злополучную отвалившуюся ручку. Печь вдруг стала её вещью раньше, чем она поняла, откуда возьмёт деньги. И она взяла у Матвея вперёд за полгода сто восемьдесят тысяч. С ноября по апрель включительно. Часть заплатила за печь, частью закрыла подвоз и подключение. Был только декабрь. Вот что означало «ещё месяц». Ещё немножко времени, когда она перед ним ничего не должна, а он должен ей.

— Я не пришёл их забирать, — сказал Матвей.

— Ты за что платил-то?

Он наконец поднял на неё глаза.

— Ну? — сказала она.

— Знала бы ты, Варька, как я ждал сегодняшнего дня. Помнишь, ты говорила: вот откроюсь, тогда начнётся жизнь. Я решил, если дотяну и ты откроешься, тогда и я смогу. Я не знал, что когда наконец сможешь, это вот так выглядит.

— Как?

Он оглядел её, прилавок, ёмкость с маленькими деревянными мешалками для кофе. Варя почувствовала, что замёрзла мокрая пятка. За окном больше не было собаки. Пёс съехал вниз и почти лежал на Косте, а сын как ни в чём не бывало разговаривал с Надей поверх его головы.

— Тут люди ходят, — сказал Матвей.

Он взял пакет, в котором угощение полагалось торчать красивым концом кверху, и Варя увидела, что батон она так и не отдала. В руке у него была пустая бумага. Они оба глянули на неё. Варя даже засмеялась бы, если бы он не сложил этот пакет вдвое и не сунул в карман, как иногда люди суют больной рукой в чашку не сахар, а обёртку и ещё стараются размешать.

— Куда ты денешься до завтра? — спросила она.

— Домой пойду. Там целое ведро белья замочено. Если до завтра не прополощу, можно выбрасывать.

Он уже брался за ручку, когда она окликнула его по имени. Он обернулся. Попроси она сейчас — не пойдёт. Она знала это про него с тех пор, как позвонила насчёт печи и слушала, как он перелистывает календарь, будто на каждом листке лежит по тридцать тысяч. Откажи он тогда, сколько другого сейчас было бы в её силах.

— Батон, — сказала она и протянула ему через стойку хлеб. Матвей развернул пакет.

Костя вкатился в дверь, когда Матвей ещё не вышел. От куртки пахло собачьей шерстью и конфетами.

— У дяди Матвея хлеб бесплатно? — спросил он, заметив, что чек не вышел.

— Ну я же ваш вкладчик, — сказал Матвей, пробираясь мимо него.

Она видела, как ему сразу захотелось взять слова обратно. Они с Лёней звали Матвея Мотька-вкладчик, когда из общего похода троих мужиков на рыбалку однажды ничего не вышло: двое сами добыли удочки и червей, а третий отказался встать по будильнику, сказал, пусть зачтут деньги за бензин. Костя тогда учился в первом классе; теперь засмеялся, потому что помнил другое — отец принёс с рыбалки одну крохотную уклейку в литровой банке, и уклейку посреди ночи пришлось везти обратно к воде.

На пороге Матвей простился с ним за руку, словно тот тоже открыл своё дело.

— Мам, открой пока не закрылась, — попросил Костя. — Мне купить надо.

— Ну вот, — сказала она. — Очередь стоит до двери, а ты опять без шапки.

Он сбегал к фургону, вернулся уже в шапке. В руке держал смешные детские деньги: рубли и двойки, одну пятёрку, две десятки липким боком друг к другу, словно когда-то были завёрнуты в одну конфету.

— Маковый, пожалуйста.

— Господи, Костя, у нас всё это дома будет. На что тебе покупать-то?

— Я заказы принимаю. Это не для меня.

Она видела, что он приготовился объяснить ещё что-то, а ей не хватит сил выслушать. Продала ему рожок, отсчитала сдачу, подала тонкий чек. Костя посмотрел на него и тогда только спросил:

— А можно, когда папа придёт, ты повторишь открытие? Не надо никого звать. Просто поставь всё как сегодня. Я знаю, как тут было.

Она согласилась. Костя понёс покупку к фургону, прижимая чек большим пальцем к пакету, деловой, в белой рубашке, которую уже никогда нельзя будет отстирать до настоящего

белого. А Варя подошла к двери и перевернула снежинку буквами к себе. Весь день люди с улицы читали «ОТКРЫТО». Теперь ей тоже хотелось посмотреть.

Глава 2. Без сдачи

Про четыре рубля он вспомнил, когда мама села в прихожей на пуфик и увидела у себя на ногах розовые тапки. Домой она доехала в них. В зимних ботинках, стало быть, заночует пекарня. Костя хотел пошутить, но мамины ноги распухли так, что даже от мягкой резины остались вмятины. Он отвернулся к вешалке и сжал в кармане четыре рубля чужой сдачи. Дядя Слава дал ему полтинник на маковый рожок. Мама вернула четырнадцать рублей, Костя отдал дяде Славе только десятку.

— Тебе теперь обратно в тапках ехать, — сказал он ей.

— Поди сюда.

Он подался к ней головой, как собака в фургоне, которой сегодня давали ладонь носом погладить. Но мама хотела посмотреть, не расстегнулась ли у него подкладка. Нет, подкладка была на месте, просто из-под куртки выполз галстук. Узел переместился ему за спину. Дядя Слава, когда они забирались в кузов фургона за сумками, ещё спросил, уж не хвост ли у тебя вырос. Костя решил, что над ним издеваются. Оказывается, дядя Слава первым заметил.

Мама распорядилась запустить стиральную машину, а сама положила на кухонный стол папин хлеб. Он занимал её. Она доставала его, вертела и снова заворачивала.

— Ты снизу под полотенце дощечку воткни, — сказал Костя. — А то отсыреет.

— Ты ещё посоветуй мне сахар закрыть, чтобы сладкий остался.

Стиральную машину они звали Нюркой. Так её назвал папа, когда однажды она сдвинулась с места и, пока их не было дома, приползла из угла к унитазу. Мама тогда позвонила ему в гараж. Папа сказал: пусть бы уж сама и забиралась, раз дотянула. Через неделю он выровнял пол, и Нюрка перестала ходить. Теперь Костя сам вывернул рубашку, как учили, запустил с парой полотенец и своими носками. Мамино полотенце с хлебом, когда хлеб остынет, тоже надо будет постирать, но тогда стирать придётся отдельно. Он обошёл в уме все способы соединить стирку. Решил завернуть батон в два слоя бумаги.

— Оставь его уже в покое, — сказала мама.

Костя прилепил к холодильнику вторую снежинку. В первую, когда он её вырезал, попала страница газеты: огромную букву «О» получила ещё и женщина в рекламе очков. А на этой он всё собирался написать «ПРАЧЕЧНАЯ». Раз мама открывает пекарню, он откроет прачечную и будет брать с неё небольшие деньги за каждый барабан. Полотенца пойдут как коммерческий заказ. Именно так сказал дядя Слава про целую коробку печенья: «Гляди, Костян, у вас первый коммерческий заказ». Косте позволили упаковать три пряника. Он по своей воле сходил за линейкой, чтобы отрезать ровно.

— Наде вечером ничего не надо? — спросил он.

— Тёти Нади и дома ждут, и там ждут, твоей Наде хоть разорвись. Завтра к семи заедет с братом, поедем вместе. А ты дома, я вернусь досыпать.

— Я ему денег должен.

— Дяде Славе?

Он показал четыре рубля. Мама не сказала, что из-за такой мелочи не стоит беспокоиться. Достала из банки на подоконнике прищепку со сломанным ухом.

— К карману приткни. Увидишь прищепку — вспомнишь.

Они иногда обозначали таким образом инструкции, которые нельзя забыть: носовой платок, ключ от общего тамбура, деньги, отложенные на краску. Под прищепкой на кухонном полотенце папе оставляли записку, чтобы забрал Костю из сада. Папа был вовсе не забывчивый, но любил смотреть баскетбол и, когда играли сборные, однажды явился за ним к давно запертой калитке. Их с воспитательницей к тому времени нашла мама.

Никаких заработков мамина прачечная сегодня не дала. Костя ещё раз заглянул на кухню по другому делу.

— Из-за чего он так сказал? — спросил он.

Мама не сделала вид, будто не понимает, о ком идёт речь. Она этим отличалась от прочих людей, у которых сначала нужно было выиграть целое сражение, пока они наконец позволят назвать то, что и так все знают.

— Про вкладчика? Он действительно вложился.

— В тебя?

— До дверного проёма довёз и половину мне помог поднять.

— Он про это не сказал бы. Я когда тачку дяде Славе толкал, я же ему теперь не начальник.

Костя не толкал никакой тачки. Давно, летом, они со Славой ездили за какой-то железкой, забыли снять его фургон с ручника, и Костя тужился у переднего крыла. Получалось нечестно, что папа на этой работе вообще ни при чём. Он спросил:

— А печь папина тоже немножко?

Мама перестала разворачивать полотенце.

— Костя, мы без него не покупали бы. Купили, пока его нет дома. Он тут столько же ни при чём, сколько ты. В смысле — ты-то тут как раз при чём. Так, дай мне допить чай.

Вечером позвонила Надя. Разговор поначалу был про яйца. Сколько осталось, где брать, если в понедельник не довезут. Костя наблюдал за губами мамы: она делала «угу», «угу», потом губы сделались плоские и телефон отошёл от щеки. Это значило, что-нибудь очень сильно поменялось. В коридоре ещё стояли его сапоги и мамины резиновые тапки с улицы.

— Ты чего над ребёнком орала? — спросила вдруг мама. — Он откуда знал, что собака на диете?

Костя выглянул через косяк.

— Это не я ему дал! Я Славе дал! Если он передал, то это...

Мама отмахнулась.

— Скажи своему брату, пёс у него с утра по-человечески не жрамши, ещё б ему не... Да понятно, мы всё вроде сделали. Нет, звать никого не буду. Бывай.

Костя надеялся узнать, есть ли всё-таки у собаки беда. Но мама теперь смотрела на него.

— Надя сказала, ты ещё до отъезда Славе десятку из сдачи вернул. Ты цену помнишь?

— Тридцать шесть.

— А сколько на ценнике?

— Ну тридцать шесть. Красная тройка и шестёрка.

— Тридцать девять. Да ёшкин свет, я же помню, как хвост у этой девятки ручкой дорисовывала. А взяла с тебя тридцать шесть.

Костя снял с кармана прищепку, уселся на полу. Девятку на ценнике мама могла нарисовать как угодно, это её дело. Но дядя Слава ведь послал его за рожком, прочитал на чеке тридцать шесть и не знал ни про какой хвост.

— Один ты ему завтра и отдашь, — сказала мама. — Остальное ему в подарок, считаю, что у меня для последнего покупателя была скидка.

— Тогда надо четыре отдать, — возразил Костя. — Ты уже сделала ему скидку, когда взяла с меня тридцать шесть. Если я отдам один рубль, будет без скидки.

Она села тоже; давно, когда он вообще ни о чём не умел договариваться, мама часто садилась на пол, чтобы не орать на него сверху вниз. Теперь она сидела в одних носках и тёрла розовый след от тапки у левой щиколотки.

— Ты прав. Четыре. А я начинаю делать какую-то ерунду, — сказала она. — Будто я сама нарисовала неправильный хвост, а теперь все должны за него платить. Завтра я сначала высплюсь.

Ему хотелось этим воспользоваться и выспросить наконец про печь, но она подала ему руку, чтобы помог подняться, и он принял её за запястье. В прежние годы папа играл с ним в то, что неподъёмный. Мама оказалась тяжёлая и без шуток.

В воскресенье Костя проснулся от её будильника. Дверь маминой комнаты была приоткрыта, на полу лежала половина одеяла, другая оставалась у неё на плече. Будильник звонил с табуретки у изголовья. Она зашевелилась; Костя шмыгнул обратно в коридор, застрял в белой полоске света от кухни. Там горела лампочка над плитой.

— Часов сколько? — сказала мама пустым голосом.

— Шесть.

Телефон умолк. Костя сверился со своими наручными часами: без пяти шесть, но какая, по большому счёту, разница, если ей ещё спать и спать? Пекарня открывалась в девять.

— У тебя свет на плите всю ночь, — сказал он.

Мама спросонок удивилась.

— Так это я тебе оставляю. Ты ж в темноте до сих пор носом в косяк влетаешь.

Он и сам так объяснял, когда кто-нибудь спрашивал, почему у них свет по ночам горит. Однако раньше свет оставлял отец, и не для него одного. Мама любила пить ночью сырую воду из-под крана, не вынимая стакана, поворачивала к себе струю и подставляла рот. Видеть, у кого мокрые губы, было их домашней ночной шуткой. Теперь, если Костя увидит её у крана и спросит, откуда мокрые губы, она, чего доброго, решит, что он у неё что-то выведывает. Он взял четыре рубля и пошёл выносить мусор.

Во дворе у гаражей стояла Матвеева машина. Не та, конечно. Эту он купил прошлым летом, уже с белой царапиной на красной задней дверце. Как-то Костя обошёл три похожих красных машины на стоянке, пока не нашёл по этой белой царапине нужную. Он бросил мешок в бак и подошёл постучать по стеклу.

Тот слушал музыку, был в кепке, поверх куртки на нём лежала расстёгнутая рыбацкая жилетка. Костя знал, что жилетку дядя Матвей держит для собаки своего приятеля: пёс маленький и дрожит, когда в машине печка не нагрелась. Собачьих шерстинок на тёмном было очень много.

— Доброго утра, — сказал Костя.

Матвей протёр лицо кепкой. Щёки у него стали красные. Пока он опускал стекло, Костя поднял из лужицы пустую полулитровую бутылку из-под воды, хорошо сохранившую форму. Бутылку тоже можно было выбросить в бак, хотя мусор он давно выкинул.

— Как жизнь-то молодая? — спросил Матвей.

— Ты из-за папы к нам приехал?

По лицу Матвея протекала дорожка, одна слеза или снег. Он повернулся к подголовнику пассажирского сиденья. На этом сиденье лежала коричневая сумка, из незакрытого края которой высовывалась обложка паспорта.

— Мать твою хотел застать, потом раздумал будить. Мне бы с ним поговорить, да как я до него доберусь.

— Ну мама вчера тоже так сказала. А если он ей сам? Тогда ты заранее скажи, что ему сказать. Только не про печь. Я знаю про неё.

Матвей поднял стекло наполовину, потому что мокрый снег залетал внутрь и ложился ему на ворот серыми каплями.

— Твоя мама попросила?

— Нет. Я сам придумал. Ты думаешь, мы ещё маленькие, что ли?

— А кто это вы?

Он мог бы сказать «мы с мамой», но тогда через минуту пришлось бы объясняться с ней самой, с чего он вообще разговаривает от её имени. В кармане нашлась прищепка. Костя прикрепил её к манжете варежки. Цветная пластмассовая птичка сразу уселась у него на руке.

— Костик, — сказал Матвей, — ты из-за печи ничего не думай. Дело было моё, ответил твой отец. Я ему говорю спасибо. Мама про другое с ним поговорить хочет, это её дело, а я сегодня постараюсь, чтоб не надо было тебе скоро через неё приветы передавать.

— А что ты сделал?

Матвей начал заталкивать большой палец в старую перчатку, но палец не шёл и гнулся, как перебитый. Костя вдруг увидел, что если попросит показать паспорт из сумки, то дядя Матвей скорее всего покажет, а потом будет сидеть и терпеливо ждать, пока ему разрешат этот паспорт забрать. Костя шагнул назад.

— Ладно, — сказал он. — Делай как знаешь.

Он отошёл за угол и остановился. Машина завелась, фары на миг осветили контейнеры. Костя всё ещё сжимал пустую бутылку. Когда Матвей тронулся с места, она с громким хрустом смялась в его руке.

Костя выждал немного, поднял крышку бака и бросил туда бутылку. Из-под неё на варежку сполз мокрый снег. На обратном пути он решил у матери ничего не спрашивать. Она иногда знала про людей такое, чего сами они не знали; никакой охоты узнавать это с её помощью у него сейчас не было. Когда они с Надей уедут, он позвонит отцу. Уже на лестнице он понял, что позвонить в колонию не сумеет, только этого не хватало. Ну так тот когда-нибудь сам им позвонит. И он возьмёт трубку раньше мамы.

Глава 3. Место у буфета

За час до обеда Антон снял с петель дверь в материнской комнате. Потом повернул дверь ребром и попробовал сам пройти туда, куда желал пронести диван. Плечи прошли свободно, а локоть больно ударился о буфет.

— Тут и человека в дом не внесёшь, — сказал он.

— А ты его под руки бери, — ответила мать. — Покойников тоже не обязательно целиком разворачивать на лестнице. Видела я, как моего отца несли. Поставили на попа вместе с гробом, он и вошёл в лифт.

Невестка Даша, застёгивавшая ребёнку комбинезон, замерла над бегунком. К Антоновым родственникам она за пять лет не привыкла окончательно. Тут могли обсудить покойника у полного стола и при этом до смешного стеснялись выговорить «грудь», если речь шла о кормлении. Куриную грудку было можно. Человеческую — уже как-то неловко.

— Мам, диван снаружи, — сказал Антон. — Человека мы оставим в подъезде, как прибудет.

— Сегодня холодно. Ты ему хоть шапку припаси.

Дашу всё-таки рассмешили. Она успела застегнуть молнию и спрятать волосы Петьки под шапку. Подняла его под мышки и поставила в дверях, как ставят в саду купленную ростовую фигуру: пока без всякой внутренней жизни, руки по швам, глаз не видать за тёплым воротником.

— Ведь ему же обратно раздеваться, — сказала Любовь Петровна.

— Это какая-то странная мысль — раз он будет раздеваться, так и на улицу не ходить, — сказала Даша, уже открывая дверь.

— Ну а как иначе люди становятся приличными домоседами?

И тут из-под огромного воротника раздалось:

— А стул где?

Дедов складной рыбацкий стул погиб ещё той весной: Петя готовил сидящим на нём взрослым суп из песка, взрослые мужественно ели, и однажды у стула прорвалось сиденье. Матвей с тех пор привозил свой, с подлокотниками и тряпичным гнёздышком под стакан. Петя не считал его мебелью. Это была утка, которая по воскресеньям появлялась в прихожей. В гнездо клали деревянное расписное яйцо. Матвей важно ходил вокруг и шипел на каждого, кто подходил слишком близко. Петя научился так хорошо, что летом у пруда родители уводили его от настоящих селезней.

— Стул где? — повторил мальчик.

— Дядя Мотя едет, а стул впереди него, — сказала Любовь Петровна. — Он что, дорогу, по-твоему, забыл?

Мальчик выглядел озадаченным. Повернулся к отцу всем туловищем и шагнул по ту сторону порога, задирая ноги, как в прошлогоднем нерасчищенном снегу. На лестничной клетке снег, конечно, не лежал. Рабочие натоптали немного, и всё.

— Только не заходите далеко, — попросил Антон. — Здесь диван тащить надо, а с кем я останусь? Со старой женщиной.

— Со старой женщиной можешь уже и не оставаться, — сказала мать с достоинством и полезла на табурет запасать место на антресоли. Он поддержал её за локоть. Руки у неё были мускулистые от постоянной работы с тканью в мебельном цеху и от давнишней, ещё до его рождения, игры в волейбол. Ему этих рук всё ещё полагалось опасаться: за непрошеную помощь могли и отпихнуть так, что мало не покажется.

Ни одна машина сегодня не везла им покупку. Мать по телефону отказалась от доставки и привезла разобранный диван накануне вечером с соседями. Все три части ночевали внизу, в

сухом запертом боксе: у старшего по дому хранилась там садовая техника. Любовь Петровна терпеть не могла слов «доставка до подъезда». Довезти до подъезда мог и подводный флот, а ей всё равно тащить наверх. Заплатить за подъём тоже могла, но не хотела, чтобы незнакомые мужчины за деньги тащили, а дома рослый сын. Антон уже не раз представлял матери счета за профессиональное оказание услуг, на бумаге из школьной тетрадки: бельё выкручено, радио переставлено, чай выпит, прейскурант поцелуй и два куска пирога. А на этот раз он сам настоял, чтобы она наконец выбросила раздвижное кресло из угла: когда Дашка с Петькой собирались переночевать, приходилось тесниться на одной кровати.

Год назад остаться у матери с женой на ночь казалось ему отдельным испытанием. К утру скрипел пол, как будто отец встал покурить; в радиоприёмнике шуршали программы, которые он себе настроил и успел записать на клейкую полоску: «после восьми не трогать». А сейчас они хотели ночевать и в будни. Петька любил, когда мать размешивает масло в его тарелке большим ножом вместо ложки, и просил зайти встречать утро. Как с человеком, с которым заранее договорился.

— Ты старое кресло разобрал? — спросила она.

— Я его целиком вынес.

— Руки у тебя лишние выросли?

— Нет. Отдельный хвост. Как у лемура.

На самом деле он заплатил по сотне двум парням с площадки. Лучше пользоваться услугами подростков тайком, иначе мать сначала позовёт обоих к столу, а потом предложит контракт на сезон. Антон проверил, взял ли ключ от бокса. Мать уже спускалась за ним, нагруженная старыми подушками: если придётся ставить диван на бетон, хоть не обдерут обивку.

Из бокса пахнуло влажной ржавчиной, фанерой, забытыми яблоками. Под стеной стояла коробка с письмами жильцов, бумага сверху пошла волнами. Мать подложила под сиденье дивана два обрезка линолеума и теперь дожидалась сына, чтобы отодвинуть первую боковину. Пружина звякнула, по стене заметался отсвет с часов.

— Антош, я тебе не сказала... — начала она, потянула к себе головку вкрученного в дерево штифта и поморщилась от усилия. — Что-то у меня там сверху под воротником. Глянь, а.

Он заглянул под мягкий вырез, где пришла в негодность маленькая пуговка, приколотая к материи английской булавкой. Острие выскочило. Он защёлкнул булавку.

— Ты собиралась мне сказать про булавку?

— Нет. Я решила, что диван будет у меня в комнате, а не в большой. Я в большую уйду.

— Ты говорила, на него вечером светит фонарь.

— Ну и пусть светит. Можно штору задёрнуть. Можешь ты мне сделать комнату для внука так, чтобы я всё равно жила по соседству? Чтобы знал, что у меня ему всегда есть где лечь.

Об этом новом порядке мать с ним ни разу не разговаривала. Теперь выяснилось: она уже отдала Петьке свою комнату и задумала переставить туда же тумбочку для его сокровищ. Ему самому в детстве не выделяли и ящика; приходилось постоянно отыскивать в ведре свои винтики и окаменелости.

— Сама-то как же? — спросил он.

— А у меня, между прочим, есть ещё ноги, чтобы себя перенести. Сделай просто диван. Мне не надо проекта счастливой старости.

Большая часть дивана в лифт вошла торчком. Мать придержала створку, пока сын втискивался боком следом за поклажей. На четвёртом устроились наоборот: она толкала из кабины, он принимал со стороны площадки, и там они впервые за день сделали что-то, не наговорив друг другу лишнего. Когда сиденье благополучно встало в комнате, мать сняла с волос опилки и положила на буфет.

— Это вещь хорошая, — сказала она тоном отца. Он после ремонта всегда объявлял: «Полечил». Так и вещь, и всякий, кто на неё зря сердился, оказывались вроде выживших пациентов.

К половине первого пришли Даша и Петя, красные от мороза. Мороз, правда, возвращался потихоньку, больше напоминал сырую тряпку, которую положили на два часа в холодильник. Удивительно, как в Рязани на одном углу может заливать воду тебе в ботинки, а на другом сшибать ледяной пылью шапку. Даша привела Петьку в ванную и принялась разбирать на составные части. Бабушка ставила на стол сушёные яблоки вместо конфет. Вечером должны были заехать ещё соседи с нижнего этажа, Ильдус с женой, и взять пустые коробки: всякий обед обрастал дополнительными делами, иначе зачем людям выходной?

Телефон пискнул на буфете: материнский, старенький, который показывал буквы в полногтя. Антон ставил боковину на пол, когда экран вспыхнул прямо перед ним:

«Спустись один. Я за домом».

Матвей отправил это ей, а не Антону. Мать тоже успела прочитать.

— Кому это он «спустись один»? — спросила она.

— Мне, наверно. Опять не на тот номер. Он весной тебе послал фотку покрышки. И чего ты ему велела купить?

— Четыре штуки. Меня спроси, я всякому велю четыре штуки купить.

Мать кинула ему телефон. Он поймал машинально, так и вышел в одной рубашке с тёплыми клеточками и с её телефоном вместо своего. Внизу, между боксами, у красной машины стоял действительно стул. Самого Матвея на сиденье не было. Антон посмотрел на пустой стул со стороны дороги и испытал такое неловкое чувство, какое испытывал в гостях, когда старшие слишком серьёзно обманывали ребёнка: ещё пять, ещё десять лет будет всей семьёй хохотать, вспоминая, как он поверил в эту чушь, а ему ведь не смешно.

Матвей сидел на низком бампере с обратной стороны, постелил под себя кусок картона. На нём была папина куртка. Летом Антон сам её отдал, нашёл в дальнем ряду чулана: никому по размеру не подходила, а отдавать в первый попавшийся контейнер мать не разрешила. Две зимы прошли, как Николай Веретенников не надел её ни разу.

— Убери куртку, — сказал Матвей первым делом.

— Какую?

— Эту. Я пойду в гору, у меня ещё свитер. Да возьми, прошу тебя. Я не могу к ней в этом прийти.

Антон взял линялую куртку, стянул с Матвеевой руки второй рукав. Руки в свитере, тёмно-синем, с лоснящимися локтями, оказались худые и длинные. Антон повернул ворот куртки. На тесьме чернильным карандашом мать когда-то написала «Н.В.». Отец вообще ничего с собой не носил без этой добавки. Если бы дожил, так и тапочки на пляже подписал бы.

— Чего выпускать-то будем, дядь Моть? — спросил он. — Воздух у тебя кончился?

— Был я сегодня, заявление оставил. Про ту ночь на Касимовском. Это я задавил Колю. За рулём я сидел.

Антону стало холодно, но куртку надеть не получилось. В первый рукав он попал, второй ускользнул из руки, и пола опустилась в грязь. Матвей встал, чтобы подобрать.

— Не надо, — сказал Антон.

Матвей убрал руки.

— Колганов признал. Ты у нас на кухне сидел. Пиво пил.

— Я видел, как он встал на суде. Да.

— Не был ты там. Ты с Петькой сидел. Ему температура была. Я сам тебе его передал.

— Не в зале видел, Антон. Варя рассказывала. Я представлял много раз, вот и сказал, что видел. Сам там не был.

Это оказалось важнее всего — как человек очень спокойно объяснил, что его там не было, а он говорит, будто его видел. Антон сел на складной стул с рыболовным гнёздышком у подлокотника. Сидел, прижав к себе грязную куртку. Дядей Мотей он звал постороннего человека, отца же последние лет пятнадцать звал «тот» — «тот уже в гараже?», «тот положил мне за телефон?». Нет, когда наедине, папой он его звал вполне. Только в короткое время, пока стоял и прислушивался к тому, как голос Матвея идёт ровно, а из горла всё же изредка выскакивает надломленный хрип, он успел придумать про себя такую гадость. Хотелось начать рассказывать настоящий день: Петька тогда уже не температурил, у матери сел голос, у Даши расклеился сапог, ничего особенного, в самом деле он хорошо знал, каким был этот день, и не собирался отдавать его чужому хрипатому мужику.

— Колганов тебе кто?

— Работали с ним. Знал его.

— А с женой его после суда виделся? К ней домой приходил?

— Да.

— Они знали, что ты к нам ездишь?

— Варька знала, что помогаю.

— Печь она на твои деньги купила?

Матвей посмотрел на него слишком быстро. Антон понял, что попал.

— Вчера, когда ты поехал, тебя мама попросила в пекарне про пирог узнать, — сказал он. — Ты ей назвал Варю, как будто я знаю, кто это. Мало ли в Рязани кто кого Варей зовёт. Мало ли у кого дело появилось. Так они на что жили это время?

— Я платил. Сколько, когда, это ты можешь у меня спросить, я скажу.

— Как интересно. Могу спросить то, на что ты нашёл ответ.

Любовь Петровна наверху теперь кормила внука, ставила тарелку с супом на свободный краешек стола рядом с инструментом, забытым Антоном. Телефон в руке у него ожил. Антон молчал достаточно долго, чтобы собеседник успел заметить тишину. Потом наконец догадался, что сам же стоит с материнским аппаратом, а звонят ему с его собственного оставленного наверху, и сейчас придётся отвечать.

— Матвей, — слышно было в трубке голос матери, она даже не проверила, кто первый заговорил, — про тебя уже всё спросили, кроме одного. Можно ли утке по обеденному времени есть котлету? На этот счёт мнения в доме разделились.

— Спустись к нам, — сказал Антон.

— Ты его хоть не вытаскивай, я решу вопрос с котлетой сама.

— Мам, спустись. Без Петьки. И мне какую-нибудь кофту принеси. Я не тороплю тебя.

— А чего мне торопиться? — ответила она.

Антон слышал, как она положила его телефон: удар твёрдого о деревянное, потом щёлк. Он столько раз говорил ей: нельзя всякого пускать в дом. И вот сам вызвал её вниз, на холод. Но сейчас, оказывается, он вызвал её совсем за другим. Он был способен твердить Матвею: ты ей сам скажешь, не я. А вот объяснить матери, как получится, что она по-прежнему может не верить этому человеку и всё же навсегда сохранит за ним место у буфета, занятое два года назад, у него сил не хватало.

Мать вышла в старом зелёном пуховике под дублёнкой. Подумала, что сыну тоже будет не лишним поплотнее укрыться, и принесла ему пуховик на себе. Прежде чем расстегнуться, она заглянула в лицо сидевшему на стуле Матвею — Антон уже уступил ему место, когда ждал, — и спросила:

— Что, пьян?

— Нет, Люба. Не пьян. Я машину вёл. Коля... Это я его убил. Не Лёня.

— Ну и отведи её подальше от нас, — сказала она.

Видно было, что он не понял. У матери часто так: говорила человеку, что делать, раньше, чем сам человек успевал проглотить собственные слова. Антон начал объяснять:

— За рулём тогда, мам. В тот вечер.

Она расстегнулась и стала высвобождаться из пуховика. Стоя в расстёгнутой дублёнке, перепутала, в каком рукаве у неё какая рука, рассердилась и стянула с себя всё. От холода у неё сразу напряглись плечи. Дублёнку она надела обратно, пуховик сунула сыну и, пока он одевался, говорила Матвею:

— Ты, когда к нам первый раз пришёл, на столе была белая кастрюлька. Молоко я грела для Пети. Нам мать Дашина козье молоко давала. Ты спросил, что делать. Ничего ты, по-твоему, не умел, голова у тебя болела. Так я тебе дала кашу мешать. Сама отдохнула, руки вымыла. Минут пять.

Матвей кивнул.

— Я тебя тогда поблагодарила? — продолжила она, и вопрос повис между ними: оба помнили кашу, а такую малость успели забыть. — Ты поставил на стол маленькую чашку и говоришь: «Может, соли мало?» Ну кто внуку солёную кашу даёт? А мальчик съел твою несолёную. Мне и те пять минут были нужны, Матвей.

Он отвёл лицо. Её совсем не занимало, куда он смотрит.

— И сегодня не надо мне сюда подвозить твою машину. На углу оставь. Чтоб он не увидел её и вниз следом не бежал, он у нас скорый стал. Ты до моей двери поднимешься, позвонишь и заберёшь свой стул. Даша его тебе выставит. Я Петьку уведу в спальню.

— Стул здесь, — сказал Антон.

Она впервые увидела матерчатое гнездо и два продавленных места на сиденье. Они только что по очереди посидели в нём, он и водитель. Мать провела ногтем по пустому подлокотнику, будто хотела достать оттуда яйцо.

— Ну так и всё. Антон, ты мне булавку застегнул не на ту сторону. Опять колет.

Матвей сложил стул. Антон взял было его за верхушки ножек, но мать его остановила. Свёрнутый стул легко поместился в багажник. Уезжать человек за рулём пока не стал и дал им дойти до подъездной двери, где Даша сверху на площадке держала Петьку крепко за пояс и показывала приезжающий во двор мусоровоз.

Мать не обернулась. Антон поднялся следом, по-прежнему сжимая отцовскую куртку. Мокрый полукруг на поле становился всё тяжелее. Раздеваться у двери ему теперь было не на чем: детские варежки лежали на обувной скамейке вместе с круглым полосатым яйцом. Оно уже укатилось бы в щель за трубой, только одна варежка держала его на весу.

Глава 4. До понедельника

В воскресенье до обеда за хлебом пришло семь человек. Восьмого Надя чуть не завернула в пакет: стоял себе у стены, в жилетке под цвет штукатурки, и не подавал признаков жизни, пока она не потянулась за мешком бумаги. Мужчина отступил и вежливо объяснил, что он к Варваре Андреевне, ему за работу получить. По тому, как легко покупатель у них превратился в кредитора, Варя узнала наступление будней. Субботнее открытие всё-таки было праздником.

— Миша, я же вам отправила. Давайте смотреть.

Михаил приходил ещё в пятницу, заменил вентиль и уехал без денег. Уже вечером Варя прочла его сообщение и отослала сумму по номеру, с которого он писал. Теперь он достал старенький телефон и раскрыл перед ней светлую чистоту экрана, где на фоне леса стояла женщина с грибами и откуда вполне могло выясниться, что Варя обманула честную семью. Михаил глядел на жену так, словно та тоже была здесь и могла поддержать одну из сторон.

— Я смотрю в рабочий, — сказал он. — Секунду. Погодите только. А что я в рабочий смотрю? Вы мне на личный.

Из внутреннего кармана показался другой аппарат. Тут копаться не пришлось. Михаил посмотрел, покраснел, засмеялся беззвучно.

— Я же говорил, ну какой из меня Самоделкин с двумя телефонами. Ещё с одним справлялся. Ну, тогда купить чего.

Он купил половину вчерашнего хлеба. Надя настойчиво предлагала сегодняшний, уже разрезала один — поры замечательные. Михаил выбрал вчерашний: жена просила, а её приходилось слушать, если хотел получить то, для чего она всё это затевает, хорошие горячие бутерброды. Удивительное дело: Варе, выслушавшей за утро столько необязательных извинений — «у меня только тысяча», «я у вас сейчас ничего не куплю», «я дверь не там попридержала», — только этот человек доставил удовольствие. Пришёл потребовать денег, ошибся, а когда ушёл, им обеим стало легче. С настоящими долгами оно часто так и было: пока не назовут сумму, в дверях стоят привидения, а назовут — окажется Миша.

Они с Надей сели есть за рабочим столом: капуста с зелёным горошком в судочке, два яблока и соль прямо в крышке от банки. Муж Нади называл это «покушать с птичками». Настоящей еды он не признавал без мяса, а Надя дома после обеда прятала остатки тушёной говядины от мужа в ящике с надписью «Зелень». Прятала не потому, что жадная. Хотела и детям оставить.

— Двое сегодня спрашивали, у нас пекарня открылась или закрывается, — сказала Надя.

— Снежинка изнутри читается, я перевернула. Надо повесить другую.

— Один побоялся мне лишнее сказать. Я сидела, сумку себе подшивала за прилавком. Спросил: «Вы помещение уже освободили?»

— А ты?

— Я сказала, ещё не нажились.

Варя закрыла дверь в подсобку от холода: ветер пошёл с другой стороны дома. Утренний замес ещё сходил с рук. Хлеба вышло примерно втрое больше, чем купили. На открытии это назвали бы богатым выбором. Сегодня половину сдобных рожков пришлось выстроить на нижней решётке срезом к стене, чтобы не так было заметно, сколько их.

— Через день сюда пойдут с работы, — сказала она.

— Завтра пойдут, если верить старому доброму календарю.

— Мне всё кажется, что понедельник не завтра.

— Не отговаривай его приходить, — попросила Надя. — Пусть уж сходит, мы приготовились.

Телефон зазвонил, когда Варя мыла яблоко и думала о сыне. Утром Костя выбежал попрощаться с прищепкой на варежке. При виде дяди Славы вдруг упёрся и попросил на минутку обеих женщин отвернуться. Видно, возвращал четыре рубля. По дороге Слава сказал ей: «Варь, а он у тебя честной. Трижды мне в карман лез, пока жена твоя, ну, тьфу, сестра моя, отворачивалась». Каждое упоминание чужой щепетильности в последнее время звучало для Вари с лёгкой враждебностью. Вот все расчёты оплатить, всех домой распустить, остановиться, сесть — может, получится расслышать в людях обыкновенную доброжелательность. Но сперва Надя захотела знать, кому продавать оставшийся хлеб. Потом по второму номеру позвонили из магазина кухонных инструментов. И когда Костя позвонил уже ей самой на мобильный, она ухитрилась сказать в трубку:

— Пожалуйста, только не сегодня.

— А чего? — спросил сын.

Она стала прислушиваться, где он. Дома, конечно. Шумел кухонный кран, булькало. Раньше ей бы показалось: речка, люди купаются. Ведь однажды Костя набрал её из школьного бассейна, пока они всем классом туда добирались в зимних ботинках и с мешками; она тогда точно так же спросила, в каком виде он влез в воду.

— Кость, выключи воду. Я тебя не слышу.

Шум смолк.

— Батон отмокает, — сказал он. — Ты ругаться будешь?

— Какой батон? Мой?

— Да нет, мягкое осталось, я тёплой водой хотел попробовать.

Он явно не про хлеб ей звонил, да и она совершенно не нуждалась в таком разговоре. Но именно от хлеба они ещё были в силах оттолкнуться. Зная сына, она спросила:

— Напихал в кран?

Костя вздохнул.

— В чашке. Лежит. Я прочитал, что если отрезать подгоревшее, будет свежий хлеб. А если воды немного и на сковороду... Я хотел посмотреть, сколько «немного». Мама, папа звонил.

Варя положила мокрое яблоко на край мойки, оно скатилось на дно. Надя тихо вышла к прилавку. Ещё секунду Варя слышала её шаги, хотя сын уже говорил и требовалось прежде всего не пропустить его слова.

— Мы три минуты проговорили. Он тебе завтра позвонит, наверно. Когда сможет, сказал.

— И что сказал? Как у него там?

— Я не знаю, я не спросил. Он же мне про машину начал.

Леонид звонил на стационарный. Семь лет назад Варя собиралась упразднить старый номер, за который приходилось платить, а он решил оставить. Линия тянулась через плинтус, телефон помещался на табуретке в коридоре, мобильные в квартире иногда ловили через раз. Именно из-за этого давнего решения у Кости оказались в руках целых три минуты отца, без матери и без нужды объяснять, о чём взрослый попросил помолчать.

— Про какую машину, Кость?

— Про их. На которой они ехали. Я сказал дяде Матвею, что папа маме сам звонит, передавать ничего не надо. Ну, и папе сказал. Я же ему не соврал?

— Погодь. А когда ты Матвея видел? — спросила она.

— Когда вы с тётей Надей спали. На помойке.

— Костя.

— Ну не на самой помойке. У гаражей. Он сказал, что дело было его, а папа ответил, и сегодня он всё сделает. Папа спросил, что — всё. Я сказал, не знаю. А потом ещё спросил, что дядя Матвей говорил насчёт денег. Ты можешь мне объяснить, почему он у всех подряд то про деньги, то про машину, а ты вдруг решила с вечера эту печь без папы купить?

Варя выключила пустую конфорку, под которой уже остывал чугун. Она хотела сказать: «Это не по телефону», — и вдруг вспомнила, сколько раз взрослые говорили ей именно эти слова, а затем случались рынок, работа, дежурства, смерть, и дело, оказывается, бывало не по телефону и вообще ни по чему.

— Твой отец сказал, что сидел за рулём, — ответила она. — Следствию сказал, и потом на суде сказал. А вёл Матвей. Зачем я покупала печь, я тебе расскажу, но когда приеду. Это не для того, чтобы съехать, понял? Я приеду к четырём. Приду, сниму куртку и расскажу. Если откажусь, ты можешь пойти и перевернуть у меня все стулья кверху ножками. На каждом напиши мелом: обманщица.

Костя не засмеялся.

— А когда папа мне обещал, что точно не сел бы пьяный, он правду говорил?

Она закрыла глаза.

— Сидел рядом. Пил он или нет в тот вечер, я сама не знаю. Ты меня об этом никогда не спрашивал.

— Я папу спрашивал.

Варя подцепила пальцем яблоко за черенок и увидела на боку жёлтое пятно. Когда спросил? Когда были вместе в последний раз? Потом, в колонии? Она провожала тогда сына в туалет, а Лёня его ждал возле окна, и Костя возвращался нарочно вразвалку, копировал большого мужика впереди, дурачился перед родным отцом. Она вовсе не представляла, что они успели дать друг другу какие-то обещания.

— Он сейчас хочет... Чтобы я ему позвонила? — спросила она и услышала себя Матвеевым голосом. Позвонила, достучалась, сделала невозможное к утру.

— Нет. Он только мне сказал хлеб не мочить. Я ему тоже рассказал, что его батон засохнет, ты до сих пор ждёшь. Он велел разрезать и в морозильник. Один кусок съесть сегодня.

— А ты чего в воду?

— Я же его начал раньше. Теперь выкидывать, что ли? Я не знаю, что из него сделать, я тебе и хотел сказать, а ты не слушаешь.

Капуста с горошком на столе у Нади уже была убрана. Дверь подсобки прикрылась плотнее: Надя слышала, что она говорит тихо, и оставила им минуты. Это было, надо сказать, всё, что человек в подобных обстоятельствах мог сделать действительно полезного.

— Отожми и яйцо разбей. Соль в жёлтой банке, панировка там же, а если не найдёшь — не страшно. Сковородку без меня не трогай.

— А что тогда получится?

— Получится, что я сейчас позвоню тёте Нине этажом ниже, попрошу помочь тебе пожарить. Она рада будет научиться. У неё внук не доедает хлеб.

— Ей зачем с моим возиться? Я сам... До четырёх дотерплю.

— К четырём значит к четырём, — сказала она. — Давай хоть в холодильник до тех пор.

До четырёх оставалось больше трёх часов. Она дважды проверила, выгружены ли из печи батоны, предложила бесплатные ломтики женщине, которая пришла укрыться от снега, и увидела, как та положила ломтик в верхний карман, даже не попробовав. За стеклом метель то разгоралась, то вдруг прекращалась вся, разом. Три батона мягкого белого хлеба было жалко оставлять до завтра. Она вышла к соседям. Маленькая мастерская по ремонту обуви, пункт выдачи — всё бывшие помещения одной столовой, где когда-то подавали мясные шарики с дешёвой сладкой морковью. В мастерской взяли один. В пункте выдачи девчонка с мелкими косичками сперва спросила цену, потом сказала, что у них не разрешается покупать у распространителей и агентов.

— Я не агент, я возле тебя работаю.

— Вы сначала дали, я возьму, а завтра у вас сломается терминал, вы придёте: дайте по дружбе у вас зарядить, а я уже буду обязана, — сказала девчонка. — Лучше денюжку скажите.

Такая была смешная и деловитая, почти ровесница Кости, а присмотреться — у глаз уже бежали тонкие стрелки. Варя назвала цену. Девчонка купила батон, а когда Варя повернулась уходить, протянула ей пачку маленьких мусорных пакетов.

— Эти ваши, это сюда занесли, перепутали вчера, — сказала она. — Я у себя за стойкой положила, кто пойдёт — отдам. А никто не шёл. Познакомились, меня Элей зовут.

Варя сказала своё имя. Цветочный был заперт. До открытия они с хозяйкой договаривались: как у одной состоится первая продажа, она подарит другой пирожок или цветок, смотря по тому, чья возьмёт. Варя принесла бы ей хоть три пирожка, знать бы, что хозяйка ещё вернётся. Сквозь вымытое стекло просматривались две поспешно оставленные вещи: флористическая губка в виде собаки и красный совок с короткой ручкой. Вчера, когда к ним пришли покупать печенье, Варя проходила мимо этого окна и даже не заметила, что соседки нет.

Варя вернулась к Наде. До закрытия они продали ещё четыре батона. Остаток был всё равно неприличный, но теперь можно было дышать возле стеллажа, на котором выстроились в ряд вчерашние рожки.

— У нас без четверти четыре, — сказала Варя. — Я обещала Костьке. Ты сколько ещё?

— Я до шести. Мы же решили: по будням до семи, в воскресенье до шести. Ты не перепутала воскресенье с концом работы?

Варя взяла сумку, положила туда последний из трёх отложенных батонов. Сыну уже обещана встреча в четыре. На дорогу, если ждать автобус, полчаса. Если пробежать пешком до знакомого поворота и взять машину...

— Ты иди, — сказала Надя. — Он тебя домой зовёт. Мало, что ли, у нас дней, когда звать его будешь сама и не дозовёшься?

От первого поворота она действительно взяла машину. В такси на заднем сиденье было натоптано, ехали окнами к солнцу; солнце никто уже не ждал, а оно пробилось вдоль улицы и полосой лежало у неё на коленях. Она смотрела на часы. Пробка. Три минуты пятого. Семь минут. Она позвонила Косте и сказала, где застряла. Пообещать мальчику, что после стольких лет приедешь вовремя и выложишь правду, стоило ей восемь рублей за минуту ожидания на светофоре.

Ключ повернулся. В прихожей горел свет, из кухни пахло жареным хлебом. Костя выбежал ей навстречу со щипцами в руке. На кончиках золотились крошки.

— Я у Нины Валерьевны попросил, она сама пришла, — сразу выпалил он. — Она рядом, посмотри. Было бы, что я один, да?

Подбежала запыхавшаяся Нина с мукой на джемпере и кружкой чая. Соседка всю зиму не могла найти, чем заняться после пенсии. Костя в детстве боялся, что она захочет его усыновить: ни мама, ни папа не разрешали никому, кроме Нины, ставить в их холодильник чужие соленья, а кто доверяет полку с йогуртами, тот ещё неизвестно что сможет отдать в чужие руки.

— Ну, Костик, я наигралась, — сказала Нина. — Теперь у меня к тебе просьба. Завтра молчи где только сможешь, что я ела жареный хлеб. Мне мой сейчас по запаху скажет, сколько именно.

У ног стояли все три кухонных стула. Спинками вниз, сиденьями вверх. Ни одно слово на ножках написано не было. Костя, видно, полагал, что в пятом часу он уже может приступить к осуществлению разрешённых ему действий. Нина ушла, надев поверх носков ботинки без задников. Варя услышала, как мягко закрылась чужая дверь этажом ниже.

— А где вы жарили? — спросила она у сына. — Здесь или у Нины?

— Тут. Стулья потом. Не за то, что ты опоздала.

— А за что?

— На них плёнку натянем. Смотри, как у вас стекло. Ты вроде за прилавком, заходишь сбоку. Это для папы, когда он придёт. Я же не спрашивал, когда он выйдет. Не хотел, чтоб он думал, будто я только для этого к телефону побежал.

Он подождал. Наверно, впервые в жизни ему было важнее, чтобы мать выслушала целиком его вопрос, чем чтобы она нашла правильный ответ.

— Садись на пол, — сказала Варя.

Он сел среди перевёрнутых стульев. Она сняла грязное пальто, бросила в коридоре и села рядом с ним, в единственном свободном месте, где ещё можно было вытянуть ноги. Ребёнок подвинул к ней свежий, горячий ломтик вчерашнего хлеба. Яйцо не попало к середине, там получилось кисло и водянисто, а с краю очень вкусно. Она ела и пыталась вспомнить, как отец попросил её впервые взять деньги. Дома это было или нет, сначала приходил Матвей или звонил сам Лёня? Может быть, впервые в жизни ей предстояло ответить сыну не только то, что она знает, но и то, чего ни один бог ей не даст вспомнить наверняка.

— Начни про себя, — сказал Костя. — Про них ты начнёшь, так у тебя опять я маленький выйду.

И она сказала:

— Я попросила, чтобы платили каждый месяц. Это я придумала. Ты знаешь, кто у нас в семье получает жалованье?

— Папа? — спросил он, уверенный в ответе. — Он же ушёл на работу.

Глава 5. Собственные деньги

— Это тебе платят? — спросил Костя.

Он устроил голые пятки на перекладине перевёрнутого стула и теперь лежал на спине, глядя на мать снизу. Прежде чем ответить, Варя потрогала ему лоб. Ей не мешало бы между прочим заняться котлетами; было и много других нужных дел, и почему-то первым пришло на ум проверить у совершенно здорового мальчишки температуру. Он позволил себя пощупать, даже волосы отвёл. Понимал, для чего ей эти две лишние секунды.

— Да. Мне.

В самый первый раз Матвей привёл её к банкомату. Она помнила не цифры на экране, а чистый длинный живот какого-то парня: тот стоял впереди и задирал свитер, чтобы сунуть руку во внутренний кармашек жилета за картой. На живот таращилась и девушка рядом с ним и крутила пальцем у виска. «Потерпишь!» — рявкнул парень, хотя девушка ни слова не сказала. Костя был тогда мельче, весил едва тридцать килограммов. И всё же казался Варе совершенно взрослым по сравнению с мальчиком в задранном свитере, потому что у её Кости хватало ума извиниться перед человеком, на которого ни за что наорал.

— Какое это число было, я не помню. Первую неделю я думала главным образом о том, куда носить Лёне тёплое бельё и как сказать учительнице, что папа не сможет прийти к ним лепить горшки. Он обещал в твою школу, помнишь? Она вызывала родителей, чтобы мы все поняли наконец, что такое искусство. Он раньше там бывал, когда ещё в гончарке занимался.

— Ты же приходила.

— И у меня вылетел фартук из рук и обмотался вокруг штуки, на которой лепят.

— Это была Света Петровна, у неё обмотался. А у тебя просто горшок разошёлся сверху. Мама!

— Я помню.

— Не рассказывай так: помнишь ли ты, что того-то числа был ветер с дождём? Вы все начинаете, как будто там были ваши самые лучшие каникулы. О чём вы договорились?

Он произнёс это сухим, ровным голосом. Пожалуй, не только Леониду принадлежали те три минуты в коридоре. Мальчишка успел сформулировать вопросы и теперь будет задавать ей то, на что взрослый мужчина не ответил сыну.

— Папа знал, что Матвей даст нам денег?

— Да. Не в ту минуту, когда врал, а потом знал. Они были в одной машине, и отцу удалось из неё вылезти раньше, чем приехали люди. Когда у него спросили, кто был за рулём, он сказал: я. Мне потом сказал: он за свой испуг уже заплатил бы, я видел, какой он был, думал, сердце станет. На себя взял. Про то, как с нами будет, поговорили отдельно, когда они поняли, что это надолго. Он мне сказал, что деньги будут и что мы не пропадём. Но не было такого, чтобы мы втроём сели за стол и обсудили каждый месяц, год, печь. Печи вообще не было.

— А за что побежали к банкомату?

Парень наконец вытащил карту; на животе, ближе к боку, у него чернел маленький якорёк. Варя тогда подумала, что если он поправится или начнёт качать мускулы, с якорем наверняка приключится какая-нибудь беда. Доносить теперь этот якорёк до сына она не стала. В памяти осталось много вещей, которым там было делать совершенно нечего.

— Я вообразила, что Матвей каждый день отрывает мне от себя деньги и я должна за это его благодарить. Он снял деньги и хотел отдать мне сразу, сколько у него было. На что это, я не знала. Будь ты маленький, в коляске ещё, я бы хотела знать, сколько подгузников мне покупать, а ты был большой. Ботинки нужны. Кастрюля наша большая к тому времени стала тонкая, чуть гречку поставишь — чёрное пятно на дне. Отца твоего одевать. Переводить ему. На работу добираться. Я посчитала то, что каждый месяц домой приносил Лёня, когда мы не покупали

ничего большого. Из того, что он зарабатывал, отложи то, что он сам проедал, сколько у нас от его денег оставалось...

— Ты и сахар, который он ел, посчитала?

— В уме? Нет, конечно. Да какая там разница, чайная ложка? Села на подоконник и думаю. Матвей стоит с деньгами, ручку на подоконнике нашёл, банковскую, на короткой верёвочке. Я попросила: не давай мне сейчас всё. Если я тебе через полгода позвоню, ты можешь уже не захотеть взять трубку, а я не хочу, чтобы ты исчез. Он тогда сказал: ну, назначай мне жалованье. Смеялся.

— Ему или тебе?

Она подумала. Потом сказала:

— Я теперь и не знаю, кому он назначил. Ты прав, получается не так, как обычно говорят.

А на самом деле помнила, как на том подоконнике дёрнулся короткий шнурок, когда Матвей решил унести ручку. Крепление не оторвалось, ручку он бросил и сказал: «У собственных денег та же пакость, Варвара. Залезешь поглубже, караул срабатывает». С мальчиком в поднятом свитере они больше не встречались. Якобы неважный якорёк за два года она вспоминала десятки раз, а на что ушли первые деньги — неизвестно.

— Он сам себя вкладчиком назвал, — сказал сын. — Вот я и подумал, что он тебя купил. Я и теперь примерно так думаю.

— Костя, ты не можешь думать про меня, что меня можно...

У него не дрогнуло лицо; он даже ноги оставил на перекладине. Что Варька сейчас заговорит чуть погромче и скажет, наконец, как его воспитывали и кто про родную мать выражается таким образом, он давно знал. Вот зачем заранее улёгся на пол под её стулья. Отсюда не удастся уйти, хлопнув дверью. Даже чтобы встать, надо выпростать ступни и перевалиться всем телом на бок.

— Про папу ты что подумал? — спросила Варя.

— Ты первые взяла после того, как он уже сказал?

— Да.

— И что, он бесплатно сначала наврал, что ли?

— Получается, так.

У сына начало подрагивать веко. Их с Лёней общая дурная привычка. Она прижала сыну к веку свой большой палец. Теперь ему пришлось высвободить ноги и сесть. Он сидел, прикладываясь лбом к маминой руке, но ничем больше к ней не прикасался.

— А тот дядька сразу умер?

— Я там не была. Отец ни разу мне про это не рассказал. Жену зовут Любовь Петровна. Матвей им помогал, я знаю. Денег давал или нет — этого не спрашивала.

— Я взрослый уже, мам. Ты можешь мне сказать, когда ты не хочешь, чтобы я чего-то знал. Ты сейчас почти целую минуту мне это говоришь, а думаешь, что я не пойму.

— Ну тогда послушай ещё. Я за машиной сначала пошла. Мне Матвей сказал, что она у них во дворе. Не та, другая, наша старая «Нива», которая всё время ломалась. Пока папа был дома, они её вдвоём в гараже держали, Мотька хотел при ней сделать мастерскую на колёсах. Решила, продам и перебьюсь. А когда пришла — на тех колёсах детские качели сделали, на старых покрышках, сам кузов четыре колоды подпирали. Отец колёса уже отдал. Такая я оказалась хозяйка: давно хочу денег наскрести, а что у меня в хозяйстве, не знаю.

Сын потянулся за последней гренкой.

— Почему ты хотела их наскрести?

— Потому что не могла спать. Привыкла, что следующее обязательно случится, а я не успела.

— Что следующее?

— Мало ли. Ты мамой станешь... О господи. Я хотела сказать, маму мою помнишь? С ней каждый день что-то стрясалось.

Он прожевал гренку и начал смеяться. Всё ещё осталось что-то спасительное в словах, сказанных не тем ртом и не тому человеку.

— Мне папа говорит: твоя мать накопила тебе на старость, когда тебе ещё шапку с ушами покупали. Это он в хорошем смысле.

— А я не хочу больше, чтобы вы с ним тратили то короткое время, что вам дают, на свою мать. Он меня видел, поверь. Всякую видел, в том числе такую, которую незачем сыну разбирать. Костя, ты меня слышишь? Мы теперь с тобой знаем про печь. Ты скажи, чего ты боишься.

Он поднялся. Снял с ножки стула зацепившуюся тонкую прозрачную плёнку с мелкой сеточкой зимних звёзд. Этой плёнкой мама украшала боксы из пекарни. Костя, видно, успел взять с собой целый лоскут из тех, что не подошли по размеру. На полу одно место осталось совсем белое: там прилип кусочек бумаги.

— Я на завтра Маратке обещал тарелку пряников принести, — сказал он тихо. — Он вчера не мог, у него соревнования. Поверил. Он один, никто больше у меня не просил.

— И что такого?

— Я могу у тебя пряники взять бесплатно? То есть не бесплатно, ты же тоже их не бесплатно испекла. Мне теперь кому отдавать? Мне их ему неохота брать в подарок у этого дяди.

Ей ни за что не пришло бы в голову говорить с ним о себестоимости. Между тем вопрос был про пряники, и ещё одного уклонения он не допустил бы.

— Я за муку сама заплатила, из того, что заработала в столовой. Тётя Надя сделала тесто. Я глазурь плохо развела, туда сахар шёл и шёл, я уж хотела всю миску из окна выставить. Она отобрала и довела до ума. Пряники наши. Про Матвея я подумаю.

— А с Маратом что делать? Он у нас в классе стоял в прошлом году и слышал. Я же в вруны попал, что ли?

— Когда это ты их обманул?

— Сначала перед девятым Мая мы у доски про старших рассказывали. Я сказал, папа за свою ошибку отвечает. Маргарита Ивановна меня после уроков оставила и сказала, что я не должен за него стыдиться. У неё две коробки вафель у руки стояли, и она всё на них смотрела, я думал, она мне за мою смелость даст конфет. Глаза поднимает на меня и говорит: «Ты сегодня поступил по-мужски». И я так ходил весь день, понимаешь? У меня даже плечи болели. Я везде... везде держал спину прямо. А теперь надо как?

Варя хотела сказать: никак. Ходить как обычно. Неужели хоть кому-то, в самом деле, придёт охота проверять, как именно он держал плечи перед девятым Мая и в чём в те несколько минут признавался, а в чём нет. Но это как если бы сейчас прийти и растолковать ей, что тот парень с якорьком на животе совершенно ни при чём и поэтому она обязана помнить правду только в нужном месте, а в остальном можно зажмуриться и ещё раз сесть на подоконник. Все добрые люди, даже Маргарита Ивановна, которую Варя знала как человека любопытного и терпеливого, в такой момент не стоят одной минуты, в которую заставили ребёнка завидовать двум неоткрытым коробкам вафель.

— Я сама при тебе вчера Матвею хлеб подарила, а тебе сказала, что он подставку помог тащить. Как ты должен был догадаться, что я тебе не всё рассказала? Ты учительнице не врал.

— А что мне в следующий раз ей скажет папа? Тьфу. Что мне ей про папу говорить?

— А что ты ей захочешь сказать, Кость?

Он унёс тарелку и щипцы на кухню, вернулся за стульями. Варя в дверях обнаружила крайнюю неожиданность этого дня: хотелось плакать, а не получалось, глаза сухие, голова чистая. Надо идти и готовиться завтра открыть вовремя, встать на час раньше сына. Всё, как она хотела, — можно хоть в ту же минуту.

— У нас есть ещё белая бумага из субботней пачки? — спросила она. — Пряники вашему Маратке завтра возьмём из свежих.

Сын без слов указал ей на сумку. Оставшись один, он вовсе не натягивал плёнку ради отца от нечего делать. У него стояла наготове табличка: «Покупка без дядимотева хлеба». Слова он написал на картонке из коробки от чая и потом переправил, пока к нему не пришла Нина, уж не узнать зачем: поверх фразы белой бумажной полоской было приклеено «Покупка для друзей». Нина наверняка решила, что в их кухне открылась забава для гостей и одноклассников, и подарила к ней недостающие продукты. Любила Нина возвращать молодой семье свою тарелку обязательно с содержимым. В углу действительно стояла ещё не распакованная банка с баклажанами.

Он подсматривал из-за косяка, видит ли мать зачёркнутые слова. Поймал её взгляд. Варя снова глянула на надпись.

— «Дядимотева» с маленькой буквы, — сказала она. — Если вместе пишешь, пусть так. Неровно у тебя получилось — вон две буквы сбежали вниз.

Костя забрал табличку и вдруг переломил её через колено, сам удивился, как легко, чуть ли не на две одинаковые половины. Мама осталась по другую сторону коридора. Она увидела, что сейчас он будет искать глазами бак, куда спустить неприятность. Он уже знал, как дети знают заранее, что всякой вещи полагается ведро, куда мать не заглядывает.

— Если можно, я за пряники заработаю, — сказал он. — У тебя же я ничего не прошу, ты только скажи, где.

— Чем это «ничего не прошу»!

— Мам, деньги-то у нас чьи бывают? Общие и твои. Моих нет. Даже если я у тебя платно Нюрку запущу, они всё равно твои. У меня четыре рубля сдачи, и то я два дня не знал, чьи они.

— Сдачу ты вернул, — сказала Варя.

— Вернул. А если Надя мне за деньги даст бумагу резать — опять ваши. У тебя же Надя работает! Я ещё и папины заработаю. Мам, я так не хочу.

— Только на рынке не вздумай проситься ящики таскать, — сказала она. — Ты там на полдня пропадёшь, я не буду знать, где искать.

— Сама я заработать могу? — спросила она. — Для себя, допустим. Или мне уж тоже придётся чужих искать?

— А ты ещё не решила?

Он снял с кухонной двери старую тёмную сумку и сунул в неё обе половины таблички. У плиты на полу осталась прищепка — та самая, с отломанным ухом. Варя подняла её, примерила к собственному карману. Интересно, сколько раз она уже прошла бы с ней мимо Славы, даже не вспомнив, зачем прицепила.

Глава 6. Отгул

На пятьдесят третьей булке Надя заявила, что больше не хочет считать Варину половину. Себе-то она и вовсе не считала — ни булок, ни часов, с первого ноября.

В девять пятнадцать вошёл мальчик в пальто с чужого плеча и спросил, есть ли у них владимирские рожки. За стеклом восемь ребят и учительница дожидались автобуса до бассейна. Надя сказала, что рожков нет, зато есть рогалики. «Там же буквы совсем другие!» — крикнул мальчик на улицу. Оказывается, отец велел купить ему рожков и не перепутать. На автобус все успели, а мальчик на обратном пути занёс Наде картонную коробку от тренера её дочери. Внутри звякнул металл. Надя заглянула, нахмурилась и поставила коробку под прилавок.

Вслед за пловцами пришли четверо из службы доставки. Один сфотографировал для матери витрину, остальные заказывали, глядя в его телефон, хотя витрина была вот она. Особенно хорошо брали чесночные лепёшки — Надины, по разметке ножом на каждой выходило восемь долек. Ещё в субботу Варя советовала ей не связываться: кому, думала, охота средь бела дня чесноком пахнуть? А тут один из водителей вытер щёку тыльной стороной ладони и сказал, что запах в машине теперь будет ровно такой, как в летней кухне его покойной бабки. И забрал ещё одну.

Потом у Вариной бывшей столовой сорвалась поставка нарезного хлеба. По старой дружбе прислали Верочку, в длиннополой пуховке и с двумя холщовыми сумками. В её пуховке поместилось бы ещё человека три. Верочка распахнула объятия на всю ширину рукавов. «Наденька, любимая, у вас так на кухоньке-то чудно, присесть только и помереть». Надя за прилавком закатила глаза. Им обеим в прежней жизни мечталось, чтоб Верочка хоть один раз кому-нибудь нахамила. Тогда они точно узнали бы, когда она говорит правду.

— Знаете что, — сказала Верочка, когда дело дошло до оплаты. — Поменьше улыбайтесь, а то хочется взять больше, чем ты ешь. Сейчас пострадаю. Терминал у вас не умеет покупателя снимать? Была бы у меня на старость фотография, как я все деньги у гостиничного треста вынесла.

— На память? — спросила Надя.

— Да. С цветами, пожалуйста. Почему я всю жизнь фотографировалась только на пропуска? Хоть раз с цветами бы кто снял.

Надя отсыпала из кошелька мелочь и вдруг стукнула себя им по лбу: Верочка стояла с картой в руке, какая сдача.

— Не люби ты меня так сильно, — сказала Верочка. — Дай уйти за свои.

В полдень зашёл Марат. Брови, как у отца, нос в морщинках от холода. Он попросил завернуть для него три пряника.

— Ой, Маратик! Костя мне сказал, у тебя соревнования. Как результат?

— Два ноль, — ответил он.

Она не поняла, означает ли это, что у него два нуля в каком-нибудь трудном предмете или что два ноль выиграла его команда. Спросить помешал пакет, упавший со стойки; Марат подхватил, не дал ему коснуться пола и положил на прилавок ровно девяносто рублей мелкими, у взрослых дома всё время растут такие монетки, которым не находится другого применения, кроме как отдать подростку за вынос тяжестей.

— Костя хотел тебе принести.

— Мы с утра мимо шли, он сказал: зайдёшь сам. Если у нас кто побеждает, с него угощение. Наоборот не бывает!

Он стоял с пакетом пряников и ждал чека с не меньшей обстоятельностью, чем вчера её сын. Что ж, это действительно оказался способ избавиться от вопроса, чьи у него карманные деньги. План Кости почему-то настолько тронул Варю, что она с ходу вознамерилась объявить

на все следующие годы безоговорочную скидку всей семье Маратки, но вовремя остановилась. Что бы она сказала мальчишке — «моя печь, сама решаю, кому дарить пряники, и расхлёбывай потом с сыном»?

— Спрошу про спорт, — сказала она. — Два ноль в чью всё-таки пользу?

— В мою. Это ж не футбол. Я один и бегал, и подавал.

Скрипнул звонок за его спиной. Надя подперла ближнюю створку деревянным клинышком, чтобы продуло. В пекарне стало жарко, как в бане, в волосах у неё под косынкой торчал старый карандаш для ценников. Надя, обычно любившая детей этого возраста, с которыми можно вести статистический подсчёт неприятностей и у каждого число окажется внушительнее, чем у неё, на этот раз не отозвалась. Сунула руку в карман передника и достала листок из ученического дневника. Там была расчерчена таблица в три графы: день недели, тренировка, кто везёт. Её фамилия стояла в обеих половинах недели пять раз.

— Мне завтра до часу нельзя, — сказала Надя. — С Тоней едем на повторный осмотр. В субботу на тренировке упала, мы уже свозили, теперь велели ещё показаться.

— Чего не сказала, что у тебя девка ушиблась?

— Сказала бы — ты начала бы мне лёд советовать, ванночки, соду. Сядь. Она в порядке, я тоже. А у тебя, я после субботы погляжу, на слово «порядок» начинают руки трястись.

— Ничего у меня не трясётся.

— У меня, значит, трясутся. Я хочу знать, сколько часов я этому месту должна. Который вторник Славку прошу возить за меня дочь. Он бы и завтра свозил, только Тоня просит, чтоб я сама пришла и послушала, когда ей обратно на лыжи можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.